

Тишина за стенами

Роман

Николай Рассихин

Тишина за стенами

«Автор»

2026

Рассихин Н.

Тишина за стенами / Н. Рассихин — «Автор», 2026

Март 1942 года. В маленький цистерцианский монастырь под Жешувом ставят на постой немецкую часть. Девятнадцатилетняя католическая послушница Цофия и обер-лейтенант вермахта Николас Россо за девять недель скажут друг другу от силы сотню слов. Ни одного лишнего. А в монастырском подвале, за полкой с квашеной капустой, живут двое детей, которых нельзя показывать никому. Это книга о любви, которая почти целиком состоит из несделанного - из произнесённого, неотправленного, из шага, который так и не был сделан. О том, что иногда самое большое, что человек может дать другому - это не подойти. И о нескольких взрослых людях разной веры и разного языка, которые в очень плохое время молча сделали то небольшое, что было можно сделать. Они встретятся ещё один раз..через двенадцать лет, но это уже будет совершенно другая история...

© Рассихин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тишина за стенами

Глава

Тишина за стенами

Роман

2026

Оглавление

Глава 1. Дорога в марте

Глава 2. Послушница

Глава 3. Тишина за стенами

Глава 4. Письмо, которое не отправлено

Глава 5. Имя

Глава 6. Что мы делаем со взглядом

Глава 7. Ночь святой Зиты

Глава 8. Бергер

Глава 9. Уход

Глава 10. Дорога на восток

Глава 11. Через годы

Глава 1

Дорога в марте

Дорога была разбита ещё с осени. Грузовик качало на каждой колее, и Николас Россо, прижавшись виском к холодному стеклу, не пытался удержать равновесие - он давно уже научился отдаваться этой тряске, как отдаются дурному сну, понимая, что ни проснуться, ни досмотреть его не выйдет. За окном тянулась мокрая мартовская земля - серая, бурая, с тёмными лужами в низинах и островками не до конца сошедшего снега. На голых полях кое-где торчали обугленные остовы крестьянских телег. Чей-то догнивший плуг лежал в борозде, наполовину утопленный в грязи. По краям дороги стояли деревья - голые, чёрные, мокрые, - и между ними иногда пробегала тень, какая-то птица, которой Николас не успевал разглядеть.

До Жешува оставалось ещё, по словам Бергера, часа четыре, если не застрянут где-нибудь окончательно. Они выехали из Кракова на рассвете, и теперь уже шёл одиннадцатый час, а пейзаж не менялся: всё та же бурая равнина, всё те же редкие хутора, всё те же придорожные распятия - деревянные, потемневшие, с фигурой, которой дождь и ветер давно сточили лицо.

Николас сидел у окна. Напротив него, на жёсткой скамье, дремал лейтенант Курт Вольф - двадцать два года, светлые ресницы, ровные мальчишеские черты, шинель, надетая поверх формы, как одеяло. Он спал, чуть приоткрыв рот, и во сне его лицо было таким безмятежным, что Николасу становилось тошно смотреть. Рядом с Вольфом сидел фельдфебель Эрих Мюллер - широкоплечий, с тяжёлым подбородком, с глубокими морщинами вокруг глаз, какие бывают у людей, всю жизнь смотревших против солнца или против ветра. Мюллер не спал. Он сидел прямо, держа на коленях винтовку, и смотрел в одну точку - куда-то поверх головы Николаса, в дальний угол кузова, где было темно. Он мог сидеть так часами.

На переднем сиденье, рядом с водителем, ехал капитан Хайнрих Бергер. С Николаса ему было видно только затылок - сидящий, аккуратно подбритый - и иногда, когда Бергер поворачивался к водителю что-то сказать, угол лица: тонкий нос, бритая щека, складка у рта. Бергеру было лет сорок пять, может, пятьдесят. Он редко улыбался. Когда улыбался - становилось не по себе.

- Сколько ещё? - не оборачиваясь, бросил Бергер водителю.
- Часа три, если повезёт, господин капитан. Если не сядем.
- Не садись.
- Так точно.

Николас отвернулся к окну. Стекло запотело от дыхания, и он, не глядя, провёл пальцем по нему - получилась короткая косая полоса, через которую снова стало видно дорогу. Дорога была всё та же. И он сам, кажется, был всё тот же. Эту мысль он поймал и быстро отпустил - она была старая, заученная, бесполезная.

Ему было двадцать семь лет. В феврале исполнилось двадцать семь - день рождения он встретил в гостинице в Лодзи, один, с бутылкой плохого коньяка и письмом от матери, которое так и не дочитал до конца. Мать писала, что в Дрездене опять холодно, что соседка Марта умерла в октябре, что цены на уголь подняли, что она надеется - он бережёт себя. "Я знаю, ты не любишь, когда я об этом пишу, но я всё-таки прошу: береги себя. У меня больше никого нет". Это "больше никого нет" было всегда. С тех пор, как он себя помнил.

Отца Николас не видел никогда. Точнее - видел, на единственной фотографии: молодой мужчина в форме, в фуражке, в перчатках, стоит, опираясь на спинку плетёного стула. Лицо у него было серьёзное и какое-то очень опрятное - будто человек, который привык бриться каждое утро и не оставляет щетину к вечеру. Фотография была сделана в апреле четырнадцатого года, за три месяца до начала той, большой войны. В августе отца призвали. В октябре пятнадцатого он погиб где-то под Ипром - в одном из тех боёв, о которых потом писали в газе-

тах большими буквами и которые Николас, когда подрос, изучил по картам, по мемуарам, по всему, что попадалось под руку, словно хотел восстановить отца из косвенных свидетельств. Не получилось. Отец оставался тем самым опрятным мужчиной на фотографии, стоящим у плетёного стула в апреле четырнадцатого. Дальше - белое пятно.

Мать после смерти мужа не вышла больше замуж. Ей было тогда двадцать четыре. Николас, родившийся в феврале пятнадцатого, отца уже не застал. Мать растила его одна, в маленькой квартире в восточной части Дрездена, на третьем этаже, окнами во двор. Деньги были - небольшие, но были: пенсия за погибшего, потом её работа в швейной мастерской. Они не голодали. Они просто всю жизнь жили вдвоём в комнатах, где из угла в угол ходило молчание.

Мать любила его - Николас это знал. Любила так, как любят последнее, что осталось: цепко, тревожно, с постоянной готовностью к потере. Он рос под этой любовью, как растёт растение под колпаком, - в тепле, в безопасности, и при этом всегда задыхаясь. К пятнадцати годам он научился молчать так же, как молчала она. К восемнадцати - уходить из дома, как только появлялась возможность. К двадцати - отказываться от её писем, не отвечая на них неделями. К двадцати четырём - когда началась эта война и его призвали - почувствовать почти облегчение.

Он не был хорошим сыном. Это он знал твёрдо.

Хорошим солдатом, впрочем, он тоже не был.

Грузовик тряхнуло сильнее обычного. Вольф проснулся, моргнул, провёл рукой по лицу.

- Уже?

- Нет, - сказал Николас. - Ещё нет.

Вольф кивнул, потянулся, поправил воротник. Он был из Гамбурга, из приличной семьи - отец врач, мать преподаёт музыку, - и в нём это чувствовалось: в манере говорить, в том, как он ел, как складывал шинель. Он окончил гимназию, поступил в университет, отучился два курса медицинского, потом всё бросил и пошёл в офицерскую школу. "Это великое время, - сказал он Николасу как-то вечером, недели две назад, в гостинице в Кракове. - Я не мог сидеть в библиотеке, когда всё это происходит". Николас тогда промолчал. С Вольфом обычно так и было: тот говорил, Николас молчал, и Вольф принимал это молчание за согласие. Может, оно и было - согласием. Николас не знал.

- А Польша всё-таки страшная страна, - сказал Вольф негромко, глядя в окно. - Посмотрите. Серость, грязь, ни одной приличной дороги. Как они здесь живут?

Николас посмотрел в окно. За окном проплывал хутор - две избы, сарай, колодец. У колодца стояла женщина в платке, в длинной юбке, с ведром. Она проводила глазами их грузовик и не отвернулась - просто смотрела, пока он не уехал.

- Живут, - сказал Николас.

Вольф усмехнулся:

- Ну, до поры. Через два года вы их не узнаете.

Николас не ответил. Он знал, что лучше не отвечать. Когда Вольф начинал говорить о том, что будет "через два года", лучше всего было смотреть в окно. Через два года Вольфу будет двадцать четыре. Дойдёт ли он до этих двадцати четырёх - другой вопрос. Николас об этом не думал. О таких вещах он давно научился не думать.

- Жешув, - сказал водитель.

Бергер поднял голову от карты:

- Не Жешув. Это Ропчице. Жешув дальше.

- Виноват, господин капитан.

Они проехали маленький городок - низкие дома, костёл с двумя башнями, на площади несколько подвод и группа мальчишек, разбежавшихся при виде грузовика. Из костёла как раз выходили старухи в чёрных платках. Они посмотрели вслед - молча, без выражения. Николас отвёл глаза.

В Польше его раздражали эти взгляды. Не злоба - злобу он понимал бы. Злоба была честной. Эти взгляды были другие: пустые, тяжёлые, как камни на дне колодца. Будто люди смотрели не на него, а сквозь него, на какое-то его место в общем устройстве - место, к которому он сам не имел отношения, но за которое отвечал. И возразить было нечем. Форма на нём была. Сапоги были. Орёл на фуражке был. Всё было.

- Россо, - позвал Бергер, не оборачиваясь. - Подайте мне планшет.

Николас подал. Бергер раскрыл его, что-то долго смотрел, потом сказал - спокойно, ровно, как говорил всегда:

- Размещение в монастыре. Цистерцианки. Настоятельница - некая... - он сверился с бумагой, - мать Магдалена Колодзей. Шестьдесят два года. Происхождение шляхетское, образование - Краков и Рим. По-немецки говорит свободно. Сестёр в монастыре, по последним данным, около тридцати. Возраст разный. Размещаемся в западном крыле - оно у них пустует ещё с зимы, отапливается. Восточное крыло - их жилое, к нему мы не подходим. Это понятно?

- Так точно, - сказал Вольф.

- Так точно, - сказал Мюллер. Он сказал это таким тоном, каким говорят "дождь идёт" - как если бы ему было совершенно безразлично, в каком крыле спать и каких сестёр не трогать.

Николас тоже сказал "так точно".

- Подчёркиваю, - Бергер всё так же не оборачивался, - никаких контактов с насельницами без необходимости. С самой настоятельницей сношусь только я. Если возникнут вопросы - через меня. Это понятно?

- Так точно.

- Сидим тихо. Сколько простоим - не знаю. Возможно, две недели, возможно, полтора месяца. Ждём подкрепления из Кракова, потом идём дальше. На восток.

На восток. Эти слова в последние месяцы Николас слышал так часто, что они превратились в звук без значения. На восток ехали все. Из Берлина - на восток. Из Дрездена - на восток. Из Кракова - на восток. Восток был большой, бесформенный, бесконечный, как тёмная вода, в которую можно сбрасывать что угодно - и она поглотит. Туда уходили колонны, эшелоны, обозы; туда уходила бумага, табак, бензин, люди. Оттуда возвращалось мало.

- Понятно, - сказал Николас.

Бергер кивнул и снова отвернулся к карте.

Грузовик прошёл ещё несколько километров. Дорога стала ровнее - местами, видимо, чинили. Появились первые виды Жешува: костёл на холме, потом ещё один, потом ниже - крыши, дымы из труб, узкая лента реки. Они въехали в город с южной стороны, проехали через площадь, мимо ратуши, мимо нескольких немецких часовых у входа в какое-то здание, - Николас заметил, что Вольф вытянулся при виде формы, и сам Бергер кивнул в окно. Потом город кончился, и они снова поехали по разбитой дороге - теперь уже на запад, в сторону леса.

Монастырь стоял за городом, километрах в шести, у небольшого озера. Они увидели его издалека - высокую серую стену, над которой поднимались крыши построек и одна башня, и над башней - крест. Дорога к воротам шла через поле и небольшую дубраву. У ворот их встречал капрал Шмидт, приехавший двумя днями раньше с квартирмейстерской группой.

- Господин капитан, - Шмидт козырнул, - размещение готово. Настоятельница ожидает.

Бергер вышел из машины. Николас вышел следом. Мокрая земля чавкнула под сапогом. Он распрямился, оправил шинель, поправил ремень. Вольф вышел третьим - бодрый, с румянцем от сна. Мюллер вышел последним, с винтовкой на плече, и сразу пошёл к задней части грузовика - отдавать распоряжения солдатам, ехавшим в кузове следом.

Ворота были тяжёлые, дубовые, с железной оковкой. Над ними - каменная арка, и в арке, в нише, маленькая фигура Богоматери с младенцем. Краска на фигуре давно облезла, лицо Богоматери было серое, почти стёртое, как у тех придорожных распятий. Только руки сохранились - белые, тонкие, бережно державшие ребёнка.

Ворота открылись медленно, со скрипом. За ними оказался двор - мощёный, обширный, с колодцем посередине и старой липой в углу. По другую сторону двора стоял главный корпус - двухэтажный, длинный, с маленькими окнами в глубоких нишах. Справа - часовня, узкая, высокая, с островерхой крышей. Слева - то самое западное крыло, в которое им предстояло вселиться.

Посреди двора, у колодца, стояла женщина.

Николас сразу понял, что это и есть настоятельница. Не потому, что узнал - он её не знал, - а потому, что так стояла только она. Очень прямо. Очень спокойно. Руки сложены на животе, скрыты широкими рукавами чёрного облачения. На груди - большой деревянный крест на верёвочке. Лицо - узкое, бледное, с тонкими морщинами у глаз и у рта, с прямым крупным носом и тёмными бровями, в которых ещё почти не было седины. Глаза - серые, ясные, без какого-либо особого выражения. Она смотрела на них так, как смотрят на погоду: ни хорошо, ни плохо, факт.

Бергер подошёл первым. Снял фуражку. Слегка наклонил голову.

- Мать Магдалена. Капитан Хайнрих Бергер. Благодарю вас за приём.

- Господин капитан, - сказала она по-немецки, чисто, почти без акцента. - Добро пожаловать в обитель Святой Ядвиги. Размещение для вас подготовлено. Сестра Анна проводит ваших людей.

Бергер кивнул:

- Это лейтенант Вольф. Обер-лейтенант Россо. Фельдфебель Мюллер.

Она по очереди наклонила голову каждому. Когда её взгляд встретился со взглядом Николааса, он на мгновение задержался - не дольше, чем на других, ровно столько же. Но Николасу показалось, что она его увидела. Не оценила, не осудила, не приняла - просто увидела. Как видят дерево или человека, прислонившегося к ограде. Факт.

- Прошу, - сказала она и сделала шаг назад, освобождая проход.

Они пошли через двор. Сапоги звучали по мокрому камню глухо и неуместно. Где-то в часовне, за толстой стеной, кто-то играл на органе - медленно, негромко, не церковное, а что-то простое, как упражнение. Звук был слабый, едва различимый, и сразу же тонул в воздухе. Над двором низко висели серые облака. Пахло мокрым деревом, прошлогодними листьями, чуть-чуть - ладаном из часовни.

Николас шёл за Бергером и думал, не глядя по сторонам: "Полтора месяца. Может, две недели. Потом дальше".

В тот момент он ещё не знал, что в этом дворе, у этого колодца, у этой старой липы, через сорок дней с небольшим он встанет и не сможет двинуться с места - потому что напротив него, в нескольких шагах, будет стоять девушка в чёрном облачении, и она поднимет глаза.

Он ещё не знал её имени.

Он ещё ничего не знал.

Сестра Анна оказалась невысокой женщиной лет сорока, с круглым лицом, с тонкими бесцветными бровями и с тем особенным выражением сосредоточенного спокойствия, какое бывает у людей, привыкших исполнять чужие распоряжения, не задавая вопросов. По-немецки она говорила хуже, чем настоятельница, - с заметным акцентом, с длинными паузами между словами, - но достаточно для того, чтобы объяснить, где что находится. Она провела их через двор к западному крылу, отперла тяжёлую дверь большим железным ключом и пропустила вперёд.

Внутри пахло холодом и побелкой. Узкий коридор тянулся от двери в глубь корпуса, и по обеим его сторонам шли двери - простые, дощатые, выкрашенные тёмно-коричневой краской, с маленькими номерами над косяками. Полы были каменные, отполированные годами, и шаги по ним звучали гулко, как в пустой церкви. На стенах висели два или три старых распятия - деревянные, тёмные, с фигурой, которой и здесь, как и снаружи, время сточило лица.

- Здесь, - сказала сестра Анна, останавливаясь у первой двери, - для господина капитана. Здесь - для офицеров. Дальше - солдаты, по две и по три койки. В конце коридора - умывальная. Воду носим из колодца. Топим утром и вечером. Если нужно сильнее - скажите, добавим.

- Этого достаточно, - сказал Бергер. - Благодарю.

Сестра Анна склонила голову и осталась стоять, ожидая дальнейших указаний. Бергер обернулся к Николасу и Вольфу:

- Размещайтесь. Через час - у меня. Распределим караулы и распорядок.

Николас открыл свою дверь и вошёл. Комната была маленькая - шага четыре в длину, шага три в ширину. Железная кровать у стены, застеленная серым шерстяным одеялом. Узкий стол с одной ножкой, ввинченной в стену для устойчивости. Стул. На стене - крест. Под потолком - единственная электрическая лампочка без абажура. Окно - высокое, узкое, в глубокой нише, и за окном виднелась часть монастырского сада: голые яблони, дорожка, отрезок каменной ограды, а за оградой - лес.

Он поставил на пол свой саквояж. Снял шинель, повесил на гвоздь у двери. Сел на кровать. Кровать была жёсткая, почти не прогнулась под ним. Он посидел минуту, глядя в стену напротив, потом наклонился и принялся развязывать саквояж.

Вещей у него было немного. Две сменные рубашки. Бритва, мыло, кисточка. Несколько пар носков. Тёплые перчатки - мать прислала зимой, очень тёплые, и он за них так и не поблагодарил. Книга - потрёпанный томик Рильке, который он возил с собой ещё с лета сорокового. Пачка табака, спички. Записная книжка, в которой он почти ничего не писал. На самом дне - конверт с письмом матери, последнее, ноябрьское, и маленькая фотография: тот самый молодой мужчина в форме, у плетёного стула, в апреле четырнадцатого. Николас вынул её, посмотрел и положил на стол, прислонив к стене. Так он делал всегда, в каждой новой комнате, в каждом новом размещении. Это была единственная вещь, которую он распаковывал сразу.

Он подошёл к окну. Стекло было старое, неровное, с маленькими пузырями внутри. Сад за окном лежал в полусумерках - мартовский день уже клонился к вечеру, и за дальней оградой темнел лес. Где-то там, в лесу, должно быть, начинались тропы, по которым ходили партизаны. Об этом Бергер уже говорил - в Кракове, во время инструктажа: район беспокойный, лесные хутора симпатизируют сопротивлению, и хотя в самом монастыре проблем не ожидается, расслабляться не следует.

Расслабляться. Николас усмехнулся про себя. Уже четыре года он не понимал, что значит это слово.

Он отошёл от окна, лёг на кровать, не снимая сапог, и закрыл глаза. Тишина в комнате была плотная - такая, какая бывает только в очень старых зданиях, у которых стены толщиной в локоть и которые умеют поглощать звуки так, что весь мир остаётся снаружи. Сквозь эту тишину едва-едва доносились голоса солдат во дворе, далёкий лай собаки, скрип ворот. Где-то совсем близко - за стенкой? в коридоре? - кто-то прошёл, негромко позвякивая ключами. Потом стало совсем тихо.

Николас открыл глаза. Над ним был серый потолок, на нём - паутинка трещин, расходящаяся от лампочки. Он смотрел на неё, и постепенно его мысли начали разъезжаться в стороны, как обычно бывало перед сном. Сначала он подумал о Кракове - об улицах, по которым шёл вчера вечером, о том, как у одной из витрин стояла женщина и плакала, тихо, никого не стесняясь. Потом он подумал о Дрездене - о квартире матери, о кухне с жёлтой клеёнкой на столе, о запахе мыла, который всегда там стоял. Потом он подумал - без всякой причины, ни с того ни с сего - что в этом монастыре, в одной из келий, сейчас тоже кто-то лежит на такой же узкой жёсткой кровати, смотрит в такой же потолок и думает о чём-то своём. И эта мысль была неожиданно успокаивающей.

Он, кажется, задремал на четверть часа - потому что когда он снова посмотрел на окно, в нём было уже почти темно.

Стук в дверь:

- Господин обер-лейтенант.

- Войдите.

Это был Мюллер. Он не вошёл - приоткрыл дверь и встал на пороге, как обычно делал.

- Капитан просит к себе. Через десять минут.

- Хорошо.

Мюллер ещё постоял секунду, как будто хотел что-то добавить, но не добавил, и закрыл дверь. Николас встал, подошёл к умывальнику в углу - узкий жестяной таз, кувшин с холодной водой, - и плеснул себе в лицо. Вода была ледяная. Он постоял минуту, упёршись руками в край стола, потом вытерся полотенцем, оправил китель и вышел.

У Бергера в комнате уже сидели Вольф и Мюллер. На столе была разложена карта - та самая, из планшета, и сверху ещё одна, более подробная, окрестностей Жешува. Бергер стоял у стола, опираясь на него ладонями.

- Россо, садитесь.

Николас сел.

- Так. - Бергер заговорил тем же ровным, без эмоций голосом, каким говорил в дороге. - Слушайте порядок. Я лично сношусь с настоятельницей по всем вопросам размещения, снабжения, любых бытовых трений. К ней самой и к старшим сёстрам обращаться напрямую - только в исключительных случаях. Молодых сестёр, по возможности, не замечаем вовсе. Объясняю один раз: это не пехотный гарнизон в Лионе. Это католический монастырь в польской глубинке. Любая жалоба из Варшавы или из самого Берлина - а они до Варшавы и Берлина дойдут - нам не нужна. Это понятно?

- Так точно, - сказал Вольф.

- Так точно, - сказал Николас.

- Так точно, - сказал Мюллер.

- Караулы. - Бергер ткнул пальцем в карту. - Два поста снаружи, у ворот и у западной ограды. Меняем через четыре часа. Внутри монастыря караульных не вводим - там работает их собственный порядок, мы его не нарушаем. Если кто-то из наших нарушит дисциплину - не важно, в чём именно, - я буду разбирать лично. Без снисхождения. Это понятно?

- Так точно.

- Распорядок. Подъём в шесть. Завтрак мы получаем здесь же, в трапезной, отдельно от сестёр. То есть мы едим после них. Они едят в семь, мы - в восемь. То же с обедом и ужином. С хозяйкой это согласовано. Не опаздывать. Не приходить раньше. Стучать в дверь не нужно - она и так открыта.

Вольф улыбнулся:

- Мы будем послушниками, господин капитан.

Бергер посмотрел на него долго, без выражения. Вольф перестал улыбаться.

- Лейтенант Вольф, - сказал Бергер, - если вам угодно остричь - остричь в своей комнате, наедине с собой. Здесь будете молчать. И благодарить, что вам предоставлено сухое место, нормальная пища и тёплая постель в марте сорок второго года. У многих сейчас этого нет.

- Виноват, господин капитан.

- Дальше. Сообщение с городом: ежедневно туда едет курьер, утром, в семь. Если кому-то нужно что-то отправить - письма, посылки, рапорты, - передавать через меня накануне вечером. Связь по телефону пока не установлена, обещают на следующей неделе. Если что-то срочное - поднимаете меня в любое время. На этом всё. Распорядились?

- Так точно.

- Свободны.

Николас вышел в коридор. Мюллер ушёл к солдатам - налаживать караульный порядок. Вольф постоял ещё у двери Бергера, потом догнал Николаса:

- Послушайте, обер-лейтенант. Зачем он так? Я же только пошутил.

Николас остановился. Посмотрел на Вольфа. У того в глазах действительно было что-то похожее на обиду - настоящую, мальчишескую, как у человека, которого нечестно отругали.

- Курт, - сказал Николас негромко, - он не на вас злится.

- А на кого?

- Ни на кого. Он просто такой человек. Не принимайте на свой счёт.

Вольф вздохнул, кивнул, но видно было, что не согласился. Он ещё хотел что-то сказать, но в этот момент в дальнем конце коридора скрипнула дверь, и из неё показалась сестра Анна.

- Господа, - сказала она от двери, не приближаясь. - Прошу к ужину. Через четверть часа.

- Благодарим, - сказал Николас по-немецки. И, после короткой паузы, прибавил по-польски, неуверенно: - Дзенькуе.

Сестра Анна на секунду остановилась. Не улыбнулась - но в её круглом, спокойном лице что-то на мгновение сместилось. Может быть, удивление. Может быть, что-то ещё. Она снова склонила голову и ушла.

Вольф посмотрел на Николаса с недоумением:

- Вы говорите по-польски?

- Десять слов.

- Где научились?

Николас не ответил. Он мог бы ответить - у него была бабушка с польской фамилией, по материнской линии, родом из Силезии; в детстве она иногда вставляла польские слова, особенно когда сердилась, и Николас, не понимая, запоминал. Но рассказывать это Вольфу не было ни сил, ни желания. Он просто пожал плечами и пошёл к своей двери.

- Обер-лейтенант, - окликнул его Вольф. - А вы... ну, как вы вообще? Ничего?

Николас обернулся.

- В каком смысле?

- Ну, я не знаю. У вас вид, как будто... не знаю. Как будто вам не очень.

Николас посмотрел на него. Двадцать два года. Светлые ресницы. Чистые ботинки. Гимназия. Два курса медицинского. Великое время.

- Я в порядке, Курт, - сказал он. - Идите готовьтесь к ужину.

Трапезная находилась в главном корпусе, на первом этаже, и попасть туда нужно было через двор. Когда Николас, Вольф и ещё двое младших офицеров - Шмидт и какой-то новый, прибывший с квартирмейстерами, по фамилии, кажется, Хофман - вышли из западного крыла, на дворе уже совсем стемнело. Над крышами стояло холодное, тёмно-синее небо с одной первой звездой над часовней. В окнах главного корпуса горел жёлтый свет - слабый, как от керосиновых ламп, хотя электричество в монастыре было, Николас это успел заметить. Но, видимо, сэкономили.

В трапезной длинный деревянный стол был накрыт на одной половине. На другой половине, у окна, стояли ещё несколько столов, поменьше, - там обычно ели сёстры, но сейчас они были пусты. Сёстры уже отужинали и разошлись. Только мать Магдалена стояла у окна, у одного из этих маленьких столов, и о чём-то негромко разговаривала со старой монахиней, которую Николас прежде не видел. Когда офицеры вошли, мать Магдалена обернулась и кивнула им.

- Прошу.

Они сели. Бергер занял место во главе стола. По правую руку от него сел Николас, по левую - Вольф. Дальше - Шмидт, Хофман и капрал, помогавший с размещением. Сестра Анна и ещё одна сестра, молодая, лет двадцати пяти, в таком же чёрном облачении, принесли еду. Это был густой суп - гороховый, с картошкой и кусочками копчёного сала, - и тёмный хлеб, нарезанный толстыми ломтями, и блюдо с варёной свёклой. На столе уже стояли простые глиняные кружки и кувшин с водой.

- Молитва, - сказал Бергер тихо, обращаясь к Вольфу. - Подожди.

Мать Магдалена подошла к их столу - не садясь, оставаясь у его края, - сложила руки и прочла короткую молитву по-латыни. Голос у неё был ровный, без всякого специального благоговения, и латынь она произносила так, как произносят слова, которые знают наизусть с детства, - без подчёркивания, без театра. Закончив, она перекрестилась.

- Bon appétit, - сказала она по-французски, неожиданно. И добавила по-немецки: - Если что-то понадобится, прошу через сестру Анну.

Она отошла. Сестра Анна осталась стоять у дальней стены, с руками, сложенными перед собой, и смотрела куда-то поверх их голов - точно так же, как днём смотрел Мюллер в грузовике. Николас взялся за ложку.

Суп был горячий и густой. Хлеб - настоящий, тяжёлый, с кислой корочкой. Николас не ел такой хлеб с самого Кракова, а может, и дольше - в гостиничных столовых обычно подавали белый, плохо пропечённый, который к вечеру становился как картон. Он съел два куса подряд, не заметив. Вольф, рядом с ним, тоже ел молча и с явным удовольствием. Бергер ел медленно, аккуратно, как ел всё - поднося ложку к самому рту, не наклоняясь к тарелке.

Где-то в середине ужина капитан негромко произнёс - не глядя ни на кого, как бы себе:

- Хорошее место.

Никто не ответил.

- Спокойное, - добавил он через минуту, тоже как бы себе.

Николас доел свою тарелку. Поставил ложку. Посмотрел в окно - там, в темноте двора, мерцал слабый огонь у ворот: фонарь караульного. Часовой переходил от одной стороны ворот к другой, и тень его раскачивалась по двору вместе с фонарём.

Сестра Анна подошла собрать тарелки. Когда она наклонилась к тарелке Николаса, он поднял глаза и сказал, опять по-польски, всё с тем же неуверенным акцентом:

- Дзенькуе.

Она снова на секунду задержалась. На этот раз - он видел совершенно ясно - что-то изменилось в её лице. Не улыбка. Но что-то похожее на признание: тебя слышу.

- Прощэ, - сказала она едва слышно.

И вышла.

После ужина все разошлись по комнатам. На дворе совсем похолодало; ветер шёл с леса, мокрый, с запахом прошлогодней листвы. Николас постоял минуту у входа в западное крыло, подняв голову вверх. Над часовней стояла теперь не одна звезда, а целая россыпь - небо к ночи прояснилось, и облака разошлись. Он смотрел на эти звёзды и не думал ни о чём. Просто стоял.

Потом он вошёл в крыло, прошёл по тёмному коридору к своей двери, открыл её и закрыл за собой.

В комнате было тепло - топили, как и обещали. Лампочка под потолком горела ровным жёлтым светом. На столе всё так же стояла прислонённая к стене фотография - молодой мужчина у плетёного стула.

Николас разделся. Аккуратно повесил китель на спинку стула. Сапоги поставил у двери. Лёг под шерстяное одеяло. Одеяло было колючее, но тёплое. Он лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел в потолок.

За стеной - далеко, может быть, в часовне, может быть, в восточном крыле, - что-то начали петь. Очень тихо. Несколько женских голосов вместе. Это была не служба - для службы было поздно, - это была, наверное, какая-то вечерняя молитва, которую сёстры читали в общем хоре перед сном. Слов было не разобрать, и мелодия была простая, медленная, на одну ноту с лёгкими отклонениями. Звук просачивался сквозь толстую стену тонкой струйкой, едва различимый, и был похож не столько на пение, сколько на дыхание большого спящего существа.

Николас лежал и слушал.

Он не помнил, когда в последний раз слышал, как поют женщины. Должно быть, ещё до войны. Должно быть, в какой-то церкви, в Дрездене, на Рождество, ещё с матерью, лет двадцать назад. Он тогда был мальчик. Мать держала его за руку. В церкви пахло хвоей и воском. Они стояли в самом конце, у дверей.

Что-то у него защипало в глазах - слабо, неожиданно, не до конца понятно. Он сам себе удивился. Закрыв глаза, повернулся к стене. Подтянул одеяло выше.

Пение за стеной продолжалось ещё минут пять. Потом стихло. Где-то наверху - в башне, должно быть, - ударил колокол. Один удар, тёмный, глубокий, какой бывает у старых бронзовых колоколов с трещиной. Потом долго не было ничего. Потом - ещё один удар. Потом тишина.

Николас заснул на третьем ударе.

Ему ничего не приснилось.

Это была первая ночь, за многие месяцы, когда ему ничего не приснилось.

Его разбудил колокол.

Не тот, что бил вечером, - этот был другой, выше тоном, более звонкий, более частый. Несколько ударов подряд, потом пауза, потом ещё несколько. Николас открыл глаза в темноте. В комнате было совершенно черно - даже окно почти не выделялось, только сероватым пятном на стене. Он не сразу понял, где находится. Запах чужой комнаты, чужого одеяла, побелки, далёкого ладана. Звук колокола за стеной.

Он повернул голову к окну. Сквозь стекло он различил движение: где-то в глубине двора зажёгся слабый свет, и через минуту - ещё один, потом ещё. По двору, наискось, прошла маленькая тёмная фигура с фонарём в руке. Она шла к часовне. Дверь часовни приоткрылась, выпустив на мгновение полосу более яркого света, и в этой полосе Николас увидел, как одна за другой к часовне стягиваются другие тёмные фигуры - со стороны восточного крыла, медленно, поодиночке и парами, согнутые от холода или, может быть, от чего-то ещё. Они входили в часовню тихо, ничего не говоря.

Заутреня. Должно быть, четыре часа ночи.

Колокол перестал. Через минуту из часовни - едва-едва - донеслось пение. Не то же самое, что вечером: это было торжественнее, в полный голос, с настоящей мелодией, плывущей вверх и вниз. Латынь, но слов было не разобрать. Николас лежал неподвижно и слушал. Он думал о том, что эти женщины поднимаются в четыре часа ночи в марте, в нетопленной часовне, чтобы петь - и так у них каждый день, годами, десятилетиями. Кто-то из них пел эти же слова и в прошлом веке. А до этого - в позапрошлом. А до этого - в каком-то совсем уже невообразимо древнем веке, когда не было ни Германии, ни Польши, ни границ, по которым он проехал вчера в грузовике. Часовня стояла, и кто-то в ней пел.

Эта мысль показалась ему странной и одновременно успокаивающей. Он закрыл глаза. Пение продолжалось, но звук становился всё тише - он засыпал.

Снова он проснулся, когда уже было светло. В окно сочился серый утренний свет, и где-то за дверью слышались шаги, голоса солдат, лязг металла. Николас сел на кровати и посмотрел на свои часы, лежавшие на столе. Десять минут седьмого.

Он встал, оделся, побрился - холодной водой, наклоняясь над тазиком. В щетине у виска он заметил два седых волоса; раньше их не было. Он подумал об этом без особого чувства. К двадцати семи годам седина была не редкостью среди тех, с кем он служил.

Завтрак в трапезной прошёл так же, как ужин. Молитва матери Магдалены, гороховая каша, тот же тёмный хлеб, кружки с горячим напитком, который пах цикорием. Сёстры уже отзавтракали и ушли работать - Николас увидел в окно, как несколько из них шли к огороду за восточным крылом, с лопатами и корзинами. Все в одинаковых чёрных облачениях, с белыми платками, повязанными низко на лоб. С такого расстояния и в одинаковой одежде они казались похожими друг на друга.

После завтрака Бергер увёл Шмидта и Хофмана к себе - обсуждать снабжение. Мюллер пошёл проверять караулы. Вольф, которому делать было нечего, бродил по двору с видом человека, ищущего, чем заняться. Николас сел на каменную скамью у западного крыла, закурил и стал смотреть на воробьёв, кормившихся у колодца.

Так прошло утро. Так прошёл день. Так прошёл, в общем, и следующий, и следующий за ним. Жизнь в монастыре была устроена по часам - Николас быстро запомнил их ритм. В четыре утра - заутреня. В шесть - служба, потом монашеский завтрак, потом работы: огород, прачечная, мастерская, библиотека, школа для нескольких местных девочек, приходивших из ближнего села. В полдень - короткая служба. Обед. Снова работы. В пять часов - вечерня. Ужин. Перед сном - повечерие. Так круглый год, изо дня в день, без выходных, без отпусков.

Немецкая часть монастыря жила по своему расписанию, не пересекаясь с этим ритмом. Подъём в шесть. Завтрак в восемь. Караулы. Обходы. Бумаги. Обед в час. Свободное время. Ужин в семь. Курение во дворе. Бергер позволил курить во дворе, но не у колодца и не у часовни - там нельзя.

Сёстры старательно их не замечали. Это было сделано так умело, что Николас не сразу осознал, что именно происходит. Они проходили мимо немцев, не глядя в их сторону, и в этом не было ни демонстративности, ни вызова - просто их взгляд скользил мимо, как скользит взгляд по предмету, который тебе не интересен. Они здоровались с матерью Магдаленой, когда та обращалась к ним по поводу немцев; они принимали распоряжения сестры Анны, которая была у настоятельницы чем-то вроде связного. Но напрямую с офицерами или солдатами не говорил почти никто.

Только сестра Анна - каждое утро, каждый вечер, в трапезной. И один раз - на третий день - какая-то очень старая монахиня, проходившая через двор с ведром, остановилась перед Николасом, который курил у скамьи, посмотрела на него снизу вверх своими маленькими тёмными глазами и сказала по-польски что-то, чего он не понял, но в тоне было определённо ворчание. Потом она махнула рукой и пошла дальше. Николас спросил вечером у сестры Анны, что она могла сказать. Сестра Анна, не глядя, ответила:

- Что от вашего табака у её кур не несутся яйца.

Николас впервые за несколько дней - не вслух, не открыто, но всё-таки - рассмеялся. Сестра Анна, собирая тарелки, ничем этого не показала, но Николасу показалось, что и она тоже про себя усмехнулась.

В эти первые дни он почти не выходил за пределы монастыря. Можно было съездить в Жешув - Бергер не возражал, если кто-то хотел в город, - но Николас не хотел. В городе были немцы, патрули, гражданская администрация, в кофейне на рыночной площади собирались офицеры из других частей, кто-то всегда узнавал кого-то, всегда были разговоры. Здесь, в монастыре, ничего этого не было. Здесь его никто не узнавал. Здесь его, по-видимому, вообще не было.

Это его устраивало. Больше, чем он мог бы признаться самому себе.

На четвёртый день, под вечер, он впервые обошёл сад.

Сад был с южной стороны монастыря, отделённый от двора каменной стеной, в которой имелась низкая арка с деревянной калиткой. Калитка не запиралась - Николас попробовал, и она открылась. Сад был большой, гектара полтора, и тянулся к самому лесу, заканчиваясь оградой из вкопанных в землю кольев и редкой проволоки. В саду росли яблони - старые, корявые, с побелёнными известью стволами, - несколько груш, кусты смородины и крыжовника, ещё голые в марте, и грядки, на которых уже была вскопана земля и кое-где торчали зелёные ростки. В дальнем углу сада, у самой ограды, стояла маленькая беседка - обветшавшая, со скамьёй внутри. Между яблонями шли посыпанные песком дорожки.

Николас прошёл по одной из дорожек, дошёл до беседки, заглянул внутрь. Там было пусто. Он сел на скамью и закурил. От беседки видна была вся площадь сада и, дальше, главный корпус монастыря с его маленькими окнами, и часовня, и угол восточного крыла.

Солнце уже опускалось. Воздух был чистый, холодный, с запахом мокрой земли и прошлогодней травы. Где-то близко в лесу куковала кукушка - не часто, через большие промежутки, словно через силу. Над часовней кружила одинокая ворона.

Николас докурил. Бросил окуроч, наступил на него. Поднялся. Пошёл обратно к калитке - другой дорожкой, той, что шла вдоль самой ограды.

Тогда он её и увидел.

Она шла навстречу ему по той же дорожке - не глядя на него, опустив голову, в чёрном облачении и в белом платке. На сгибе руки у неё была корзина - пустая, лёгкая, она несла её небрежно, как несут привычную вещь. Он сначала увидел только это: чёрная фигура, корзина, наклонённая голова. Расстояние между ними было шагов сорок.

Он замедлил шаг. Не потому, что хотел разглядеть её, - а потому, что не хотел напугать. Дорожка была узкая, разойтись на ней было нелегко, и он уже примерно представлял, что сейчас будет: она поднимет глаза, увидит немецкую форму, остановится, отшатнётся к самому краю - и пройдёт, прижавшись к ограде, как проходили все.

Так и случилось - почти. Она подняла глаза.

Расстояние было ещё шагов двадцать. Он не успел разобрать её лица - только то, что она молодая. Совсем молодая. Лет восемнадцати или девятнадцати. И ещё то, что когда она его увидела, она не отшатнулась. Она остановилась. На одно мгновение. Замерла. Так, как замирает человек, который не ожидал увидеть здесь кого-то живого, - не так, как замирает человек, увидевший врага. Это была не та остановка, которую он привык встречать.

Потом она опустила глаза. Шагнула в сторону, к самой ограде, освобождая ему середину дорожки. Пошла дальше, ускорив шаг.

Они разошлись.

Николас прошёл мимо неё, не повернув головы, как требовали приличия и как требовал собственный установленный с первого дня порядок: молодых сестёр не замечаем вовсе. Но боковым зрением он успел всё-таки уловить - край белого платка, бледную щёку, опущенные ресницы. И ещё - едва уловимый запах чего-то очень простого, чего он не сразу узнал. Только через несколько шагов сообразил: яблоки. От пустой корзины ещё пахло яблоками, должно быть, прошлогодними, из погреба.

Он дошёл до калитки. Прошёл через двор. Поднялся к себе. Закрыв за собой дверь.

В комнате было всё то же. Кровать, заправленная серым одеялом. Стол. Стул. Крест на стене. Фотография у стола.

Он сел на кровать. Долго сидел, глядя на свои сапоги.

В нём что-то изменилось - он не мог бы сказать, что именно. Не то чтобы он подумал о ней. Он, в сущности, даже не разглядел её - ни лица, ни возраста, ничего такого, о чём можно было бы потом думать. Просто это была первая за много месяцев - может быть, за много лет - встреча, в которой человек, увидев его форму, не отшатнулся прежде, чем посмотреть на него самого. Сначала она его увидела как человека, а уже потом - спустя то одно мгновение, в которое она замерла, - вспомнила, что он немец, и опустила глаза.

Это была мелочь, конечно. Маленькая щель между двумя секундами в чужом саду. Но за эти четыре года такие щели у Николаса встречались редко. Он успел отвыкнуть.

Он не знал её имени.

Он не собирался его узнавать.

Он лёг на кровать, накрылся одеялом и долго лежал, глядя в потолок. За стеной снова - где-то совсем далеко, уже почти не различимо - пели женские голоса. Вечерня, должно быть,

шла к концу. На башне ударил колокол - один раз, второй, третий. Голос у колокола был тот же - глубокий, с лёгкой трещиной.

Николас лежал и слушал.

Он подумал - без всякой связи с предыдущим, как иногда приходят в голову совсем посторонние вещи, - что мать ждёт от него письма. Что нужно бы написать. Что он, пожалуй, напишет завтра. Или послезавтра. В ближайшие дни.

Он закрыл глаза.

За стеной пение стихло. Колокол ударил ещё раз - последний - и в монастыре наступила обычная вечерняя тишина. Та самая тишина, к которой Николас за эти четыре дня уже почти начал привыкать.

Он подумал, засыпая, что эта тишина - какая-то совсем другая. Не такая, как везде. В ней было что-то ещё, кроме пустоты. Что-то, чего он пока не мог назвать.

Он подумал об этом и заснул.

За окном кельи опускалась ночь - четвёртая для него в этом монастыре. Впереди было ещё много ночей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.